

НАВЕНТ
SUA
FATA
LIBELLI

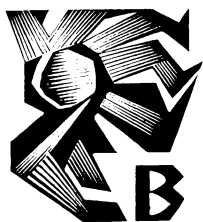
КНИГИ
ИМЕЮТ
СВОЮ
СУДЬБУ

Ю.ПИЩУЛИН

КНИГА, ХОДИВШАЯ В НАРОД

Ю. ПИЩУЛИН

**КНИГА,
ХОДИВШАЯ
В НАРОД**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“

МОСКВА • 1967

002. 3 (09)

Π 36

7-2-2

8-67

...МАЛЕНЬКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОМНАТА на Средней Подьяческой в Петербурге. Имущество, книги, одежда разбросаны повсюду — на столах и стульях.

Несколько молодых людей, мужчин и женщин. Никто не разговаривает. Лишь иногда прозвучит короткая фраза, легкая шутка, и сразу же вновь воцаряется тишина. Лица присутствующих важны, задумчивы и озабочены. Что-то торжественное и значительное проглядывает во всем, что здесь происходит. Так готовятся к путешествию, далекому и опасному.

Тщательно осматриваются и примеряются перешитые и прилаженные полушубки (по городу еще носятся пронизывающие мартовские ветры). Аккуратно складываются географические карты. Заучиваются данные не очень искусно изготовленных паспортов и многочисленные адреса известных и неизвестных друзей в разных уголках России.

С особой заботливостью осматриваются и укладываются книги. Их больше, чем других вещей, но не очень много. «Очерки фабричной жизни», «Дедушка Егор», «Безоброчный», «Хитрая механика»... Среди книг выделяется своими размерами одна. «Сила солому ломит» — значится на ее зеленой обложке. Пройдет два-три месяца, и книги эти приобретут широкую известность...

Мешки и котомки наполняются и завязываются. Все готово. Теперь — в путь!

Одетые по-крестьянски, с котомками на плечах, они выходят по двое, внимательно оглядываясь, не заметил ли кто-нибудь в доме их переодевания... Так начинался подвиг передовой русской молодежи 1870-х годов — знаменитое «хождение в народ»...

«НЕ СКАЗКА, А БЫЛЬ»

*Паспорт, котомка,
Дюжина с лишним «изданий»...
Крепкие ноги...
Множество планов, мечтаний.*

*...В селах жандармы,
Штрафы, оброки, поборы...
«Быть, братцы, бунту!»
Слышно кой-где в разговоре.*

«Из 1874 года»

В ТРИДЦАТИ СЕМИ ГУБЕРНИЯХ...

«...Расскажите сначала, как Вы с ним познакомились.

— С нашей деревни в этом доме на фабрике жил земляк, я к нему ходил, мы ходили вместе в трактир чай пить с Крюковым и там встретили одного мужчину. Я спросил его, кто это? он говорит — это Чарушин; встречали его несколько раз, там и другие были. Потом они сказали нам, чтобы ходить в Крапивный переулок, мы ходили и читали эти самые книжки...

— Кто там жил?

— Кажется Худяков или Хохряков, забыл, ну читали там книжки и было объяснение супротив правительства.

— Какие книжки читали?

— Извольте, я скажу: «История французского крестьянина».

— Когда прочитали, потом что делали?

— Толковали.

— Еще какие книги?

— Еще «Сила солому ломит».

— После говорили что?

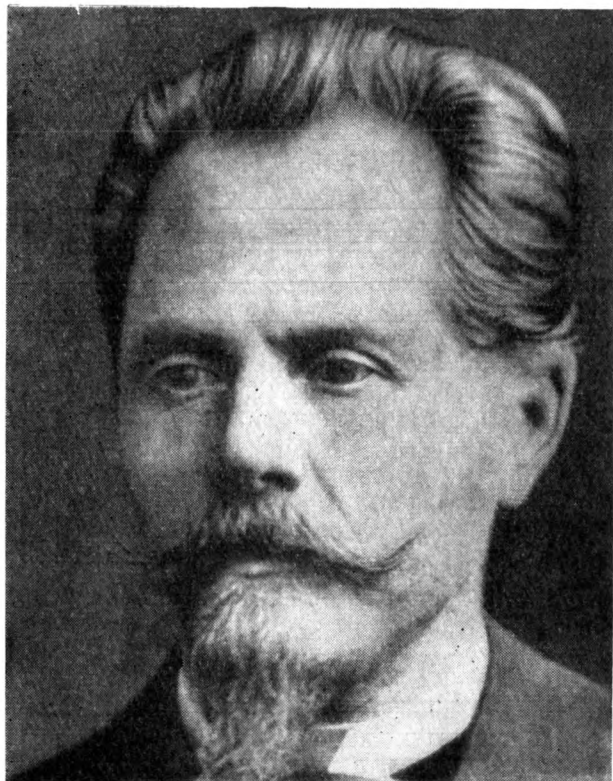
— Читая было предупреждение, что вы, говорят, крестьяне ничего не знаете этого, хотя говорит, вы обязаны землею, но никакой пользы не получаете, вы должны оброк платить.

— Говорили, как нужно поправить дело?

— Говорили, что нужно против правительства восстать...»

Этот диалог, сохраненный для нас стенограммой одного из заседаний Особого присутствия Правительствующего Сената на знаменитом процессе «193-х»*, был диалогом между первоприсутствующим сенатором Петерсом и свидетелем крестьянином Кудряшковым. Стенограмма воспроизводит лишь один эпизод бурной героической биографии сборника рассказов Н. И. Наумова «Сила солому ломит». Свидетель рассказывает о деятельности революционеров-пропагандистов среди рабочих на Выборгской стороне в Петербурге. Между тем биография книги, тесно связанная с историей освободительного движения семидесятых годов, изобилует событиями исключительными, связана с легендарными

* Процесс «193-х» (октябрь 1877 — январь 1878 гг.) — крупнейший политический процесс 1870-х годов по делу «о революционной пропаганде в Империи». 193 пропагандиста-народника предстали перед судом. В литературе называется иногда «Большим процессом»,

Н. И. Наумов — автор книги «Сила соломѹ ломит»

именами многих выдающихся деятелей революционного народничества.

Вместе с сочинениями Чернышевского и Добролюбова, Лаврова и Флеровского, вместе с книгами, созданными специально для пропаганды среди народа, и легальными изданиями, особенно полюбившимися в народной среде, — сборник Наумова «Сила солому ломит» весной и летом 1874 года в котомках русской революционной молодежи двинулся в народ.

Биографию сборника воссоздают и показания революционеров-пропагандистов во время следствия и суда по процессам «50-ти»* и «193-х», и мемуары деятелей революционного движения, и рапорты перепуганных жандармов из разных губерний России петербургскому начальству, и документ, составленный в высших государственных сферах Российской Империи, — записка министра юстиции графа Палена «Успехи революционной пропаганды».

В записке министра юстиции сборник «Сила солому ломит» назван в числе книг, в которых «проповедуется мысль о безвыходном положении рабочего, об эксплуатации его капиталистами, о губительных последствиях кулачества и, наконец, выставляются разные примеры протеста среди задавлен-

* Процесс «50-ти» (февраль — март 1877 г.) — процесс по делу пятидесяти членов Всероссийской социально-революционной организации (первой в истории русского освободительного движения организации, в состав которой входили интеллигенты и рабочие).

Н. И. НАУМОВЪ

СИЛА СОЛОМУ ЛОМИТЬ

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ВЪТА

СИБИРСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Обложка книги Н. И. Наумова «Сила солому ломитъ» (СПБ., 1874). Экземпляр Государственного литературного музея

ного крестьянства и вообще низших классов».

Своеобразие исторической судьбы книги Наумова объясняется тем, что она была популярна в среде русской революционной молодежи и находила широкий отклик среди крестьян и рабочих. «Словно про нас писано, не сказка, а быль», — говорили одному из пропагандистов пензенские крестьяне, для которых рассказы Н. И. Наумова обычно служили поводом к самому живому обмену мыслями.

Революционно-народнический кружок в Самаре считал необходимым распространять рассказы Наумова, «как указывающие на вредное влияние эксплуатации». Сборник пользовался успехом у рабочих Петербурга и Москвы, крестьян Калужской и Саратовской губерний... Во всех губерниях России, где успешно велась революционная пропаганда, передавались из рук в руки, читались и перечитывались рассказы из сборника Наумова «Сила солому ломит».

КОГДА ПЛАЧЕТ ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК...

...В 1875 году выдающийся русский революционер, владелец известной типографии в Москве, И. Н. Мышкин направлялся в Иркутск и Вилюйск, чтобы освободить и увести из сибирской тюрьмы Н. Г. Чернышевского. Мышкин проехал через всю Сибирь. От ямщиков на почтовых станциях, от крестьян, с которыми ему приходилось встре-

И. Н. Мышкин. Одно из двух сохранившихся изображений

чаться, он услышал потрясающие истории о несправедливостях, творимых в Сибири чиновниками и полицией. Даже Мышкина, сына унтер-офицера и крепостной крестьянки, хорошо знакомого с российскими порядками, взволновало то, что он услышал. И понятно, что в тех случаях, когда произвол вершился на его глазах, он не мог не выступить на стороне бедняков. Тем более, что все здесь почему-то принимали его за важное лицо. Узнав, что в одном селе волостной старшина вместе с полицией и кабатчиком как раз в это время расхитил большую сумму крестьянских денег, Мышкин отправился в это село. Он вызвал к себе старосту и кабатчика, произвел подробное следствие всего дела и составил протокол. Эффект превзошел все ожидания: грабители сейчас же вернули расхищенные деньги и молили о пощаде...

Дорога казалась бесконечной. Мимо медленно проплывали редкие сибирские села, прислонившиеся к малолюдным трактам или к берегам могучих рек. Мышкин хорошо представлял себе, что в каждом из этих сел в ответ на попытки крестьян выступить против беззаконий («Закона такого нету») невежественный полицейский чин приставлял палец к жирной груди и гордо объявлял: «Я здесь закон».

Тяжелые и беспокойные мысли ни на минуту не оставляли Мышкина. Он думал о том, как вести борьбу дальше, как всколыхнуть этот могучий и, на первый взгляд, неподвижный край, о работе друзей, оставшихся в Петербурге и Москве, о книгах, которые

он не успел напечатать в своей типографии, но которые непременно нужно напечатать... Ему вспомнилась одна из них — «Сила солому ломит». Он прочитал ее совсем недавно. Там как раз шла речь о жизни сибирских крестьян. «Да, она хорошо написана, просто и убедительно», — подумал Мышкин...

Рассказы, напечатанные в сборнике «Сила солому ломит», заинтересовали революционных народников, прежде всего, своей достоверностью и задушевностью. Разве оставит равнодушным крестьянина, рабочего ткацкой фабрики или плотничьей артели такой, например, эпизод в рассказе «Юровая»: пожилой крестьянин Кулек, обобранный кулаком, плачет на крыльце своего дома. «Грустно видеть, — говорит Наумов, — когда плачет ребенок, не сознающий серьезных невзгод жизни, горе которого так же мимолетно, как тень от облака, набежавшего в ясный солнечный день... Но скорбно видеть, когда плачет взрослый человек тем тяжелым, трудным плачем, который сильнее недуга подтачивает силы и часто оставляет на всю жизнь неизгладимые следы в чертах лица и в характере. Вот этим-то надрывным плачем от шумной Волги до пустынных Оби и Енисея нередко оплакивает русский мужичок свою горькую долю, безысходную нужду!» Просто и незамысловато повествует автор о жизни сибирских крестьян. Он не сгущает красок. Не навязывает читателям своего мнения, но убеждает их правдой. А какие выразительные, полнокровные образы думающих, чувствующих, протестующих крестьян! Ка-

кое полновесное, добротное и меткое русское слово звучит со страниц наумовской книги!

...Максим Арефьич Ознобин (рассказ «Мирской учет»), избранный учетчиком, не был рад своим новым обязанностям. Он полагал, что никакое дело с такими взяточниками и грабителями, как заседатель Харламов и писарь Коробов, не кончится добром.

И он не ошибся. Не успел еще в уезд дойти рапорт, составленный Ознобиным во время мирского учета при шумном одобрении крестьян, о злоупотреблениях Коробова и Харламова, а на столе начальника полицейского управления уже лежал донос писаря: «О подстрекательстве крестьян во время учета к неповиновению властям, о порицании действий высших властей и правительства крестьянином Ознобиным».

Так и не пришлось больше Максиму Арефьичу заняться хозяйством. На следствие явился чиновник. Крестьяне защищали своего учетчика. Чиновник все слушал, да не все слышал. И Ознобин оказался за решеткой. Той же зимой он «помер в остроге от тифа, постоянно свирепствующего в сибирских тюрьмах»...

Эпизод из сибирской жизни, рассказанный автором в «Мирском учете», понятен всякому не искушенному в литературных тонкостях крестьянину. А между тем он вызывает на размышление и сопоставление. Наблюдательный пропагандист рядом с этим фактом ставит другой, третий, четвертый...

...Горькое, надрывающее душу прощание крестьянской семьи с рекрутом Митюхой

(рассказ «Последнее прости»). Один «рабочий» день «деревенского торгаша» Прохора Игнатьевича Белкина, нескончаемыми долгами ошутавшего всю округу (рассказ «Деревенский торгаш»). Махинации купца Петра Матвеевича Вежина, стремящегося по грабительским ценам скупить у крестьян рыбу (рассказ «Юровая»). Надувательство управляющим и приказчиками при расчете рабочих на таежных золотых приисках (рассказ «Еж»)...

«Сила соломѹ ломит» — это «скорбные листы, вырванные из обширной книги народной жизни», которые автор прочитал на сибирских трактах и в лавках мироедов, деревенских торгашей, в пропахших нуждой лачугах бедняков и прокуренных комнатах волостных правлений. И в любой губернии России останавливался крестьянин, услышав чтение наумовских рассказов, присаживался поближе и уже не мог уйти...

Вот почему запрещенный и конфискованный царским правительством сборник «Сила соломѹ ломит» продолжал тайно распространяться. Его широчайшая популярность, его громкая слава отнюдь не были случайными.

СИЛА И СОЛОМА

«Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? — спрашивал в своей знаменитой речи на процессе «50-ти» Петр Алексеев. — А загляните в русскую народную литерату-

ру! Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как „Бова Королевич“, „Еруслан Лазаревич“, „Ванька Каин“, „Женех в чернилах и невеста во шах“ и т. п.»

Петр Алексеев имел все основания говорить об этих книгах с негодованием и презрением. С большим трудом ему, малограмотному рабочему, благодаря знакомству с учащейся молодежью удалось пробиться сквозь дебри этих псевдонародных изданий, поставленных правящими кругами старой России на пути работника к знанию. После изматывающего 13—14-часового рабочего дня на ткацкой фабрике Алексеев жадно набрасывался на настоящие книги. И куда только девалась усталость после страшной дневной работы? Ночи для чтения не хватало...

Значительная часть литературы, которую читал Алексеев, была подцензурной, но ее очень хорошо подобрали заботливые товарищи. Целый мир, сложный и увлекательный, а иногда понятный, до обидного понятный в своей несправедливости, открывался перед его глазами. И не раз товарищи Петра Алексеевича слышали, как, сидя над книгой, он восклицал: «И ловко же, братец ты мой! Ведь все сущая правда». Постигать «сущую правду» мира помогал Алексееву и сборник «Сила солому ломит»...

Книга Наумова вызывала «горячие рукоплескания» (по словам Г. В. Плеханова) передовых русских людей семидесятых годов прежде всего потому, что она полна движения и жизни. В сборнике народ отнюдь не

безмолвствует. Из его среды выходят люди, умеющие постоять за мирские интересы. Такие герои всегда в центре рассказов Наумова.

Передовой русской молодежи особенно был близок этот главный и любимый герой наумовских рассказов — человек из крестьянской или рабочей среды, смело протестующий против несправедливости, насилия и неправды. В Ознобине («Мирской учет»). Калинин («Юровая») и других героях Наумова очень много от близкого писателю, как и всем народникам, идеала «критически мыслящей личности», которая может изменять общественные порядки России, опираясь на свои личные убеждения, а не на объективные законы общественного развития. Нашему современнику вполне понятна ошибочность этого идеала, но перед подвигами революционных народников мы не можем не преклониться...

«Они всецело отдаются своему делу, не останавливаясь ни перед чем и не щадя себя, в них много неискоренимой веры в правду и они доискиваются ее всеми путями: они не знакомы с разочарованием, хотя жизнь на каждом шагу наталкивает их на него, и когда перед ними закрываются все пути, ведущие к их цели, они пробивают новые и все-таки идут к ней, пока не падут под бременем неравной борьбы». Так говорит писатель о своих любимых героях.

Однако Наумов несколько не упрощает исторической реальности. Народ в его рассказах, как и в русской жизни 1870-х годов,

все еще остается «соломой», т. е. не понимает своих социальных интересов и часто предаёт наиболее энергичных и образованных своих представителей.

...Крестьянину Ивану Николаевичу Калинин («Юровая») удастся на какое-то время убедить своих односельчан не продавать рыбу скупщику Петру Матвеевичу Вежину по установленным им ценам и действовать сообща: один мужик, убеждает Калинин, как один прут, его легко переломить, а метлу «и топором не сразу разрубишь». Крестьяне договариваются действовать дружно, но не долго выдерживают это условие.

Напуганные купцом и подкупленными им старшиной и писарем, они решают все же продать рыбу Вежину по его ценам. «Хотел с дураками пиво варить», — грустно говорит Калинин после схода, на котором принято это решение. Однако Вежину теперь мало согласия крестьян, ему нужно проучить бедняков, покуражиться над ними. И Наумов рисует сцену возмутительного надругательства купца над бедняками.

В бумагах руководителя Казанского революционно-народнического кружка Е. М. Овчинникова и в записной тетради С. Л. Перовской сохранился бесценный документ — своеобразное «методическое» пособие — вопросник, составленный по двум рассказам Наумова — «Юровая» и «Крестьянские выборы». Этот документ позволяет нам представить себе то, что казалось навеки утраченным, — как именно беседовали революционеры-пропагандисты с крестьянами по

поводу прочитанного рассказа, на что они обращали особое внимание, к какому выводу стремились подвести крестьян или рабочих.

Познакомимся с этим документом:

«ЮРОВАЯ» (НАУМОВ) 35 к.

Каковы отношения кулака П. М. к старшине и писарю? Как помогают эти отношения кулаку при обирании мира? Кроме своей выгоды не заставляет ли волостное начальство стоять за кулаков срочный сбор податей?.. Каковы отношения П. М. к крестьянам? Какие средства употребляет Петр Матвеевич для обирания крестьян? Верно ли говорил Ив. Ник., что П. М. нуждается в мире? Производит ли П. М. какое-нибудь новое богатство?

...Почему мир отступился и не продолжал действовать дружно? Чем отличается Ив. Ник. от других крестьян? Продолжал ли бы мир стоять согласно, если бы он походил на Ив. Ник.?.. *Вывод.* Выгодно ли кулакам, чтобы крестьяне стали богаче? Пока у кулаков есть возможность — допустят ли они, чтобы крестьяне стали поправляться? Возможно ли крестьянам жить в довольстве при кулачестве?»

Читая эту программу, нужно учитывать, что в ней отразилось наивное представление народников о кулачестве, как о чем-то внешнем по отношению к крестьянской общине. Но в то же время в ней вполне выясняются и круговая порука кулаков и чиновников, направленная против беднейшего крестьянства, и необходимость для крестьян объединиться при отстаивании своих социальных интересов.

Обитатели многолюдной квартиры, одной из тех, в которых живут в Петербурге студенты или бедные чиновники, беспечно спали, когда нагрянули гости, появление которых весной 1863 года не было слишком неожиданным. Часов в пять утра в комнату И. А. Худякова, уже довольно известного ученого и, по мнению жандармов, совершенно неблагонадежного человека, постучали...

«...Кто там? — спросил я.

— Иван Александрович, — послышался голос кухарки, — у нас полиция.

— Где?

— В комнате у Наумова; будочки стоят у всех дверей и меня не выпускают.

— А печка топится?

— Затопила.

— Ну, хорошо.

Наумов крепко спал на кровати, когда кто-то дернул его за одеяло.

— Который из вас Наумов? — спросил незнакомый голос.

— Я, — отвечал Наумов, протирая глаза.

— Где ваши вещи? — спросил квартальный.

— Да вот все со мной на кровати; впрочем, сама кровать и перина чужие. (Читатель видит, что Наумов был пролетарий.)»

Так рассказывает И. А. Худяков в «Записках каракозовца» об аресте Наумова по делу «Земли и воли» в 1863 году.

Читатель, мало знакомый с биографией Наумова, может подумать, что революцион-

35
считаем миром, как и один из ³ ⁵ ⁵
Может ли быть миром? Какое значение имеет
и, и ли бы миром за него заступился? Кто заступил
Виктор Д. Е. Витковский и своего сына и рас-
порядился? Встретил ли в своем доме крестовника, до
Виктор и другим адми. и др. и др. Кто заступился
ты? Каким был наш и кто Витковский? Встретил
ты. Добивался ли бы свободы? Каким и
двоем и кем бы, когда бы добивался Витков-
ского? Каким и кем бы?

Вывод. Каким и кем бы между крестовником,
кучками и кучками? Каким и кем бы
своей и кем бы и свободой крестовника
крестовник

Юрская. (Наумов) 35 и.

Каковы отношения крестовника и крестовника
и крестовника? Каким и кем бы для крестовника су-
ществует при Витковском мире? Кто бы своим видом
не заступился и в своем крестовнике крестовника
за крестовника крестовника Витковского? Встретил
ли у Витковского крестовника и крестовника крестовника
Витковского крестовника? Кто бы крестовника крестовника
крестовника крестовника Витковского крестовника? Ка-

Вопросник к рассказу Н. И. Наумова «Юрская». Один из двух сохранившихся документов, имеющих отношение к наумовскому сборнику

ная деятельность Наумова началась еще в 1863 году, что он был близок (подобно И. А. Худякову) к революционному кружку ишутинцев*) и имел какое-то отношение к выстрелу Дмитрия Каракозова в Александра II у решетки Летнего сада 4 апреля 1866 года. Поэтому удивляться, что Наумов стал автором легендарной книги, не приходится...

Николай Иванович Наумов никогда не был революционером и не входил ни в одну из революционных организаций. Но он был убежденным демократом и нетерпимо относился ко всякому произволу и несправедливости. Он прожил бы свою жизнь честным чиновником, неустанно защищающим крестьянские интересы, или писателем, безуспешно пытающимся привлечь внимание либерального общества к нуждам работающих людей, если бы... если бы он жил в другую эпоху. В революционную эпоху ему пришлось изведать и казематы Петропавловской крепости, и горькую нужду, сопровождавшую его всю жизнь, и бесконечные следствия, обыски и дознания, и надзор полиции в глубокой старости. А рассказы его, почти документальные свидетельства, поднялись на гребне общественного движения 1870-х годов и стали грозным оружием...

Впрочем, обстоятельствами своей жизни

* Ишутинцы — революционная организация (1863—1866 гг.) во главе с Н. А. Ишутиным; действовала главным образом в Москве. Д. В. Каракозов был членом этой организации.

Наумов был основательно подготовлен к такой участи.

Страницы биографии Наумова, как и страницы его легендарной книги, лишены внешних эффектов и таинственных поворотов. Но читатель, размышляющий над этими страницами, будет вполне вознагражден: в них много внутреннего достоинства.

...Перед нами первая страница. Томская гимназия начала 1850-х годов. Учитель по какой-то причине не явился на урок. Дверь заперта изнутри. И усевшийся на учительском месте Николай Наумов рассказывает притихшим товарищам о недавно прочитанных книгах. Он уже очень много знает. Чтению он отдает все свободное время. Но он не только читает. Изредка он знакомит друзей со своими собственными произведениями — повестями и стихами, написанными с явным подражанием Гоголю и Лермонтову. А в гимназическом кружке самообразования, в котором Наумов играет видную роль, горячо обсуждаются статьи Белинского и разгораются жаркие споры над каждым номером «Отечественных записок» и «Современника»...

Без слез не мог Наумов вспомнить еще одну страницу своей юношеской биографии... Он стоит в своем латаном-перелатаном мундире перед классом. Инспектор издевается над его костюмом, а затем ведет через всю гимназию. Хохот хорошо одетых гимназистов, «детей отъявленных мошеников, казнокрадов, взяточников, кабатчиков и откупщиков», преследует его. Юноше очень

обидно, но не за себя. Ему больно за отца, которым он всегда гордился. Отец Наумова, друг многих сосланных декабристов, занимал довольно крупные чиновничьи должности, но руки его никогда не осквернялись взяточничеством. Поэтому семья жила всегда очень скромно, а когда отца вынудили уйти в отставку с двадцатью рублями, оставшимися от последнего жалования, наступила суровая нужда...

Следующая страница биографии Наумова завершается значительной победой: в петербургском журнале «Военный вестник» (1859, т. 8) опубликован его первый рассказ: «Случай из солдатской жизни». Служба в юнкерах основательно пополнила запас жизненных впечатлений юности. Наумова полюбили солдаты, он писал письма к их родным, читал получаемые письма. Опубликованный рассказ показал, что два года военной службы не пропали даром. А значит и заветная мечта — Петербург, Университет — может приобрести вполне реальные очертания. Вместе с офицером А. А. Зерчаниновым, с которым он сдружился, Наумов читает статьи Чернышевского и Добролюбова, «Губернские очерки» Щедрина. Наступала, казалось, пора общественного обновления...

Первая петербургская страница... Вот оно, «обновление»! Уже два месяца сидит Наумов в душной полицейской части. Место заключения его тщательно скрывается жандармами и всякие передачи строго запрещены. Его обвиняют в принадлежности к «Земле и воле», а улики против него нет никаких.

Голова его полна самых разнообразных планов. Но он сидит за решеткой без бумаги и чернил... Так же, как два года назад, когда он оказался в Петропавловской крепости и был исключен из Университета. Но ведь не мог же он ради своего диплома остаться в стороне от товарищей, шумно протестующих против новых антидемократических университетских порядков?..

Через некоторое время у Наумова — настоящее торжество. Даже в самых дерзких мечтах своих Николай Наумов не поднимался до этого! Он, Наумов, печатается в том же журнале, где появлялись статьи Белинского, где совсем недавно звучало могучее слово человека, томящегося теперь в Алексеевском равелине! Наумову это казалось невероятным.

Но вот перед ним ноябрьская книжка «Современника» за 1863 год. Сомнений быть не может. Здесь опубликован его рассказ «У перевоза».

Бесхитростно и задушевно рассказанная устами крестьянки Дмитревны история ее мужа, который по поручению крестьян попытался узнать подробности долгожданной «воли» и оказался в тюрьме как «бунтовщик», привлекла внимание читателей.

...Снова Наумов в Сибири. В «стране изгнания». У начала своего пути. Его привела в Сибирь не только горькая петербургская пужда, но и «неотвратимое желание познакомиться с жизнью народа». Старый товарищ Захарьин, встретивший его в Сибири в 1864 году, убеждает Наумова возвратиться

в Петербург. Он говорит долго и взволнованно о бессилии честных людей-одиночек, о бессмысленности борьбы с полицейскими чиновниками, всемогущей властью здесь, в Сибири.

Однако Наумов не возвратился в Петербург. Он работает сначала участковым заседателем земского суда в Тобольске, затем — в Омске, в контрольной палате. Ему кажется, что уже честным исполнением своих обязанностей он сможет принести пользу крестьянам.

Вскоре ему пришлось убедиться в тщетности своих надежд. Чем больше он жил в Сибири, чем больше проникал в «хитрую механику» золотопромышленной наживы и чиновничьего взяточничества, тем лучше понимал, что один честный чиновник — слишком слабая защита крестьян. (Мог ли он предположить, что через каких-нибудь десять лет книга его рассказов будет распространяться вместе с «Хитрой механикой», в доступной форме объясняющей крестьянам, как и почему их грабят ежедневно и ежечасно?) Постоянные столкновения с чиновниками и золотопромышленниками убедили Наумова в том, что рано или поздно его обвинят в политической неблагонадежности — и тогда конец всякой деятельности.

Так вскоре и случилось. Свыше трех лет длилось следствие по делу «Общества независимости Сибири». К этому следствию из-за дружеских связей с руководителями Общества был привлечен Наумов. Писатель сочувствовал, бесспорно, общедемократическим

требованиям общества, но представить себе Сибирь отделенной от общерусской жизни, конечно, не мог.

Снова он работает чиновником по крестьянским делам в Кузнецком округе. И перед ним опять — бескрайние сибирские тракты, шумные сельские сходы, «мирские учеты», на которых нельзя вскрывать злоупотребления, так как это будет объявлено «бунтом», неприкрытые угрозы «голодных кулаков», еще только приспособляющихся к народному карману...

А вот и еще одна петербургская страница. В худощавом человеке, с утомленным лицом и острыми зоркими глазами, трудно узнать того юного, восторженного Наумова, каким он был когда-то, даже в камере Петропавловской крепости. Теперь это — умудренный опытом, лишениями и поисками человек. Его рассказы печатаются в наиболее значительных журналах эпохи — «Отечественных записках» и «Деле». Каждый из его рассказов о крестьянской жизни становится крупным общественным и литературным событием. «Не буду скромничать, да и вам это лучше известно, чем кому-либо, — писал Наумов в эти годы редактору «Дела», — что рассказы мои читаются и ценятся несколько не ниже рассказов Гл. Успенского и Златовратского и во всяком случае выше рассказов г. Эртеля».

Демократический читатель следит за деятельностью Наумова с возрастающим интересом, начинают присматриваться к его произведениям и молодые революционеры.

Г. В. Плеханов, который был активным участником революционного движения 1870-х годов, свидетельствует: «В семидесятых годах Н. И. Наумов пользовался огромной популярностью в самых передовых слоях нашей народнической (тогда самой передовой) „интеллигенции“. Его произведениями зачитывались. Особенный успех имел сборник: „Сила солому ломит“». Страницы сборника «Сила солому ломит», книги, без которой немислимо себе представить духовную жизнь целого поколения передовых русских людей — семидесятников, стали естественным продолжением страниц биографии Наумова.

«АРЕСТЫ ИЗ-ЗА КНИГ»

...и он вынул целую охапку книжек. Взяли мы. Хорошие все, братцы, книжки.

«Внушителя словили»

У ИСТОКОВ «КНИЖНОГО ДЕЛА»

Весной 1869 г. в Петербурге возник революционно-демократический кружок, в котором первоначально сотрудничали студенты трех крупнейших столичных учебных заведений — Университета, Медико-хирургической академии и Технологического института. Два активных члена кружка М. А. Натансон и В. М. Александров, будучи библиотекарями легальной студенческой библиотеки Медико-хирургической академии, стали инициаторами так называемого «книжного дела», которое сделало кружок «чайковцев»* центром освободительного движения первой половины 1870-х годов.

* Название кружка — «чайковцы» — следует считать случайным. Оно происходит от фамилии одного из активных деятелей кружка Н. В. Чайковского, который, однако, никогда не играл руководящей роли в кружке.

«Книжное дело» началось с того, что по договоренности с прогрессивно настроенными издателями Ф. Ф. Павленковым, Н. П. Поляковым, А. А. Черкесовым и другими «чайковцы» стали покупать у них книги с уступкой (а иногда и просто в долг) целыми изданиями и по невысоким ценам распространять их среди учащейся молодежи. Так распространялись сочинения Чернышевского и Добролюбова, Некрасова и Писарева, Флеровского и Лаврова, Милля и Дарвина, а также многих других популярных в ту пору авторов. Так распространялся «чайковцами» и изданный Н. П. Поляковым в переводе Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона первый том «Капитала» Маркса.

По мере того как все более напряженной становилась общественно-политическая обстановка в России, расширялась и сфера деятельности петербургских «чайковцев». Налаживались и укреплялись их связи с другими крупными центрами революционной молодежи — Москвой, Одессой, Кисвом, Харьковом. «Чайковцы» все успешнее вели занятия среди городских рабочих, все чаще говорили о необходимости перенести пропаганду в широкие крестьянские массы, идти «в народ».

Перед «чайковцами» возникла проблема, казалось бы, неразрешимая для революционной организации в царской России — острая нехватка пропагандистской литературы, в особенности изданий, доступных крестьянам и рабочим. Легальной литературы такого рода было очень немного, да и она, в основ-

ном, была разбросана по периодическим изданиям. Мало было и нелегальных изданий.

Но для таких людей «с сердцами из золота и стали», как Перовская и Кравчинский, Купреянов и Чарушин, Чайковский и Синегуб, это препятствие оказалось вполне преодолимым. Они сумели, развивая и укрепляя уже установившиеся связи с книгопродавцами и издателями, максимально использовать все легальные возможности для самостоятельного издания книг.

Это тем более удивительно, что первые издания кружка были конфискованы правительством и сожжены. Такая участь постигла второе издание «Положения рабочего класса в России» и «Азбуку социальных наук» В. В. Флеровского, «Исторические письма» П. Л. Лаврова и другие книги. С большими хлопотами было сопряжено и первое издание для народа — издание талантливого и очень популярного в народной среде рассказа М. К. Цебриковой «Дедушка Егор» (он был напечатан не в Петербурге, а в Киеве, с благословения киевской цензуры, не очень еще искушенной в изданиях для народа).

Все же именно петербургскому кружку «чайковцев» русское освободительное движение обязано многими пропагандистскими изданиями — и общественно-политического, и собственно беллетристического характера. Напечатанные десятками тысяч экземпляров в легальных типографиях России и нелегальных за рубежом, они надолго вошли в арсе-

нал русских революционеров — от студенческих групп самообразования начала 1870-х годов до первых социал-демократических организаций...

Именно отсюда — из «книжного дела» кружка «чайковцев» — в числе других знаменитых книг эпохи революционного народничества ведет свою родословную и сборник рассказов Н. И. Наумова «Сила соломѹ ломит».

* * *

Книга рассказов Н. И. Наумова была напечатана «чайковцами» легально в типографии К. Н. Плотникова в Петербурге зимой 1873—1874 года специально для пропаганды. В сборник входили семь рассказов, печатавшихся ранее в лучших революционно-демократических журналах «Современник», «Дело», «Отечественные записки»: «У переезда», «Последнее прощанье», «Деревенский торгаш», «Юровая», «Крестьянские выборы», «Мирской учет» и «Еж». Это было единственное в семидесятые годы отдельное издание рассказов Наумова.

Однако при изучении документов революционного движения семидесятых годов бросаются в глаза два странных и, на первый взгляд, необъяснимых обстоятельства.

ПЕРВОЕ СТРАННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

В материалах политических процессов и жандармских донесениях, в программах самообразования и списках литературы для

народа, составленных революционерами-пропагандистами, часто встречаются упоминания *книги* «Юровая», *книги* «Крестьянские выборы», *книги* «У перевоза» и т. п. Причем иногда здесь же упоминается и *книга* «Сила соломѹ ломит».

18 марта 1874 года начальник Орловского жандармского управления доносил в III отделение о задержании учителя Готищенского сельского училища Павла Трудковского. У задержанного были отобраны книги, содержание которых — «ниспровержение существующего порядка». В прилагаемом к донесению списке отобранных у Трудковского книг читаем:

1. Вперед. т. 1. 1873 г.
2. Крестьянские выборы.
3. Мирской учет Наумова.
4. Сила соломѹ ломит...» и т. п.

Во время дознания по делу Всероссийской социально-революционной организации один из свидетелей показал, что Петр Алексеев давал ему читать *книжку* «Крестьянские выборы»...

Ознакомимся с еще одним чрезвычайно интересным документом. Он составлен в Саратовском губернском жандармском управлении. Это — «Список тем книгам, которые пропаторы распространяют в народе и вообще между молодыми людьми». В этом «Списке» значатся и «Крестьянские выборы», и «Деревенский торгаш», и «Сила соломѹ ломит», и «Юровая», и «Мирской учет» и «У перевоза»...

Известный революционер А. И. Иванчин-Писарев и его товарищи в той же Саратовской губернии давали читать крестьянам рассказ Наумова «Еж»...

Иногда в документах можно встретить факты, казалось бы, еще менее поддающиеся объяснению. В «Списке литературы для распространения в народе», который жандармы отобрали при аресте у И. М. Ковальского, наряду с «Дедушкой Егором», «Очерками фабричной жизни» и другими популярными народными книгами перечисляются следующие издания:

«Сила солому ломит» — 7 экз.

«Деревенский торгаш» и «Юровая» — 1 экз.

«Юровая» — 2 экз.

«Крестьянские выборы» — 1 экз.

Следовательно, в этом документе, помимо уже известных нам книг «Сила солому ломит», «Юровая», «Крестьянские выборы», появляется еще одна — совершенно неожиданная — «Деревенский торгаш» и «Юровая».

Любопытное показание дал во время следствия по делу о революционной пропаганде гимназист Евгений Малышевич. Он сообщил, что один из участников оренбургского народнического кружка принес ему почитать шесть довольно странных книг: они не были запрещенными, но отбирались жандармами. «Все эти 6 книжек, — говорил Малышевич, — составляют одну под заглавием, кажется, „Сила солому ломит“».

ВТОРОЕ СТРАННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Обычно пропагандистские издания кружка «чайковцев» выпускались тоненькими книжками небольшого формата. Такие книжки стоили несколько копеек, лишь в редких случаях — двадцать — тридцать копеек.

Сборник «Сила соломѹ ломит» был издан в виде массивного и довольно увесистого тома, объемом в 417 страниц большого формата ($\frac{1}{4}$ листа), и стоил два рубля (хотя о гонораре «чайковцам» было легко договориться с автором).

Эти два обстоятельства наводят на мысль, что сборник «Сила соломѹ ломит» был в издательской практике кружка «чайковцев» явлением необычным и исключительным. Так ли это?

ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТРАННОСТИ

Характер и назначение этого уникального издания были почти правильно разгаданы жандармами. В «Обзоре нелегальной печати» за 1860—1880 гг., составленном в III отделении, о книге «Сила соломѹ ломит» говорится следующее:

«Большой том в 400 слишком страниц (следовательно, свободный от предварительной цензуры) четкой печати заключает в себе семь рассказов, из коих каждому предшествует особый заглавный лист. Последним обстоятельством воспользовались пропагандисты и раздробляли книгу на мелкие бро-

шюры, которые и распространяли потом в народе. Таким образом появились как бы в отдельном издании следующие четыре брошюры:

- 2) У перевоза
- 3) Юровая
- 4) Крестьянские выборы
- 5) Мирской учет».

В самом деле, сборник «Сила солому ломит» был напечатан и сброшюрован таким образом, что при необходимости мог легко разбираться на отдельные рассказы, причем каждый рассказ имел свой заглавный лист. Составитель обзора заблуждается, когда думает, что пропагандисты лишь «воспользовались» этой возможностью: такая возможность была предусмотрена уже при печати.

Не совсем точно говорит составитель «Обзора» и о «четырех брошюрах»: их было гораздо больше. Революционеры-пропагандисты распространяли в народной среде, читали и толковали крестьянам и рабочим и весь сборник, и отдельные рассказы в виде маленьких книжек, отделенных от него. Популярность книги была настолько велика, что чаще происходило именно последнее — распространялись отдельные рассказы. Причем иногда пропагандисты делили сборник на две-три части (по два-три рассказа). Этим и объясняется появление в списке известного революционера-народника И. М. Ковальского книги «Деревенский торгаш» и «Юровая» (в сборнике «Сила солому ломит» эти рассказы помещены рядом).

Въ Нижегородской губернии много было
въ армянскихъ семьяхъ породившаяся и наследуемая,
въ то время, отъ отцовъ и матерей, въ виду ихъ
активности, въ томъ, что въ то время
иногда и влились вгубу.

1.) Книга о земледелии. Составлена въ 1874 г. А. И. Плещинскимъ

Большой трудъ въ 400 страницъ, составленъ изъ
материаловъ, собранныхъ въ свободномъ трудѣ въ различныхъ
губернiяхъ, и посвященъ въ томъ, что въ то время
въ виду ихъ активности, въ томъ, что въ то время
иногда и влились вгубу.

2.) Городы

3.) Крестьяне

4.) Крестьянские выборы

5.) Сельская школа

6.) Сельские школы. А. И. Плещинский. (1873)

Великий трудъ, посвященный тому, что въ то время
въ виду ихъ активности, въ томъ, что въ то время
иногда и влились вгубу.

7.) Сельские школы. Составлена А. Плещинскимъ

Великий трудъ, посвященный тому, что въ то время
въ виду ихъ активности, въ томъ, что въ то время
иногда и влились вгубу.

В фонде вещественных доказательств удивившихся по делу о революционной пропаганде в Российской империи можно видеть опечатанную красной жандармской печатью часть сборника, состоящую из двух рассказов — «Мирской учет» и «Еж» (стр. 337—417 книги). Здесь же хранится еще одна часть сборника «Сила солому ломит», включающая обложку, титул, оглавление и три первых рассказа — «У перевоза», «Последнее прости», «Деревенский торгаш» (стр. 1—68 книги). От экземпляра, хранящегося в Литературном музее, отделены два последних рассказа — «Мирской учет» и «Еж» (экземпляр обрывается на стр. 336). Так первое странное обстоятельство оказывается предусмотренной странностью.

Одновременно многое выясняется и во втором странном обстоятельстве. Очевидно, что сброшюрованный указанным выше способом массивный том не может стать препятствием при пропаганде среди народа, связанной с необходимостью прятать его, передавать тайно и т. п.

Перестает удивлять и цена книги. Оказывается, что отделенные от нее рассказы стоили не так уж дорого. Один из самых больших рассказов сборника «Юровая» стоил всего 35 копеек.

Ценные соображения по поводу второго странного обстоятельства высказывает и усердный составитель «Обзора нелегальной литературы». Он говорит, что «большой том в 400 слишком страниц» был свободен от предварительной цензуры. Понятно, что это

очень важно для легального издания, которое предназначено специально для пропаганды в народе.

Был, видимо, и еще один довод в пользу большого объема книги. Активный участник революционного движения семидесятых годов О. В. Аптекман рассказал об интересном эпизоде его пропагандистской работы в Пензенской губернии. Крестьяне в с. Муратовке (им не нравились резкие выпады против царя и религии, а также энергичные призывы к бунту) никак не могли принять героический и поэтический ореол, которым в пропагандистской книжке «Емельян Пугачев» был окружен Пугачев. Не убедила слушателей и специальная беседа пропагандиста о положении крестьян во время царствования Екатерины II и о расхищении земель и казны. Неожиданно высшим аргументом стала «толстая» книга — она часто внушала крестьянам особое доверие. «Чтобы их вполне убедить в правде моих слов, — вспоминал Аптекман, — я принес Романовича-Славятинского (История русского дворянства) и оттуда вычитал им соответственные места. Объемистая книга, а не тощая книжонка, подействовала на слушателей моих весьма убедительно». В этом же селе очень чтили сборник «Сила солому ломит» (причем у пропагандиста был, по-видимому, полный экземпляр). Не имел ли значение в данном случае (помимо других причин) и объем книги Наумова? Не были ли при печатании книги «чайковцами» предусмотрены подобные случаи?

ДВА ВАГОНА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

...Весной 1875 года только начинавший свою «громкую» карьеру в борьбе с революционерами полковник Новицкий, один из самых старательных и рьяных жандармов, доставил из Москвы в Петербург в Министерство юстиции два вагона вещественных доказательств (в основном — книг) по делам о революционной пропаганде в 26 губерниях.

В Петербурге они присоединились к другим вещественным доказательствам, т. е. опять-таки в большей части своей — книгам, отобранным жандармами у крестьян, рабочих или пропагандистов еще 11 губерний России.

Царское правительство было очень обеспокоено размахом революционной пропаганды. Не ограничиваясь привлечением к дознанию по делу о пропаганде при подготовке «Большого процесса» 770 пропагандистов, правительство принимало все возможные меры, чтобы обезвредить другого своего грозного врага — книги. «Подготавливая себе среди рабочего класса адептов и помощников и, в свою очередь, пропагандистов, — говорилось в Записке министра юстиции, — вожаки этого дела распространяли свои мысли и взгляды путем устной пропаганды, а также посредством общедоступных народных рассказов. Таковы „Дедушка Егор“, „Митюха“, „Степные очерки“ Левитова, „Очерки фабричной жизни“ Голицынского, „Сила со-

лому ломит“ и т. п.». Именно поэтому жандармы рыскали по России, отбирая запрещенные и тенденциозные книги и схватывая тех, кто их читает и распространяет.

Аресты книг и «аресты из-за книг» стали явлением широко распространенным уже к концу 1874 года. «В Твери публика до того запугана зимними и весенними арестами, что боятся выходить из домов. Там в последнее время попались книги. В Ярославле, в Демидовск. лицее, найдены книги. Теперь идут аресты. В Казани аресты из-за книг. В Ставрополе из-за книг. Арест. 2-е. Оттуда есть приезжий. Арест. 11 человек, частью за книги, частью за распространение вредных идей в народе». Эти строки из частного письма современника событий свидетельствуют о масштабах борьбы царского правительства с книгами. «Каторга за именные книги, и за недонесение, — писал об этих „арестах из-за книг“ М. Е. Салтыков-Щедрин, — это уже почти роскошь для такого бедного государства, как наша Русь. Подумайте только, как мало нужны нам люди и как легко выбрасываются за борт молодые силы — и Вы найдете, что тут скрывается некоторый своеобразный трагизм».

В борьбе с книгами и «молодыми силами» России царскому правительству нередко помогали благонамеренные обыватели. Вот образец доноса, пышным цветом расцветшего в эту пору напряженнейшего поединка горстки героев, вооруженных только книгами, со всей самодержавно-бюрократической машиной старой России:

«Его превосходительству
Господину С. Петербургскому
Градоначальнику

Бессрочноотпускного рядового
Александра Мейера

Заявление

Будучи предан Правительству, я счел священным долгом представить на благоусмотрение Вашего превосходительства случайно мне попавшиеся брошюры возмутительного содержания; которые распространяются между рабочим людом для чтения:— представляемые при сем получены мною от отставного рядового Ивана Бурцева, проживающего в Рождественской части, 3 участка, на углу Костромской и Болотной улиц в доме Костылева под № 1, и взяты им от работающих на бумагопрядильной фабрике и проживающих с ним вместе в одной квартире крестьян, читавших их с особым усердием...

Александр Мейер — писец
С. Петербургской
земской управы».

К этому «заявлению» приложена опись «представленных» Мейером книг. В этой описи — картина, которая не будет для читателя неожиданностью:

1. Сила соломѹ ломит с 41 страницы по 173.
2. То же с 175 стр. по 337.
3. То же с 339 стр. по 417».

Рассказы Н. И. Наумова начали свой путь «в народ» еще до издания сборника. В начале 1870-х годов они читались и распространялись будучи вырезанными из тех журналов, в которых печатались. Видный деятель петербургского кружка «чайковцев» Л. Э. Шишко использовал вырезанные из журналов рассказы Наумова для занятий с рабочими. Он помнил случай, когда один из его товарищей, «прекрасно читавший народные рассказы, прочел им (рабочим — Ю. П.) по моей просьбе только что появившийся тогда в „Отечественных записках“ рассказ „Еж“, где шло дело о двух сознательных рабочих, старике и молодом „Еже“, которые вызывают волнение во всей приисковой рабочей толпе по поводу неправильного расчета».

Новый этап распространения наумовских рассказов начался после издания сборника «Сила соломѹ ломит». Название книги, названия отделенных от нее рассказов были аккуратно вписаны в записные книжки пропагандистов...

...Бережно откроем небольшую записную книжку, осторожно извлекая ее из солидной архивной папки. Она может показаться вполне обыкновенной, пока мы не рассмотрим ее внимательно и не узнаем имя человека, которому она когда-то принадлежала. Красная сургучная печать на обложке прошнурованной книжки, на последнем листке расписка жандармского полковника, удостоверявшего количество листов... Эта книжка принадлежала женщине, имя которой стало

В семидесятые годы символом мужества, стойкости, верности революционным идеалам. Ее имя — Гезя Гельфман.

На 15-й странице книжки после выписок из сочинений Н. Г. Чернышевского и других авторов — составленный для памяти список книг для народного чтения и пропаганды:

«Наумов. Сила солому ломит.

Нефедов. На миру.

Дедушка Егор.

Голицынский. Очерки фаб. жизни.

Иванов. Рассказы о царстве Бовы-Королевича».

...Маленький, несколько пожелтевший от времени листок нелинованной бумаги, испи-санный неровными нервными строчками... В бумагах, отобраанных при аресте у А. В. Ярцева, он привлекает внимание прежде всего крупно и размашисто написанными словами — «Критика существующего». Это тоже список книг для народного чтения, но список уникальный, список-размышление. Здесь не только перечень, но и краткая аннотация, указание на то, чем та или иная книга может быть полезна пропагандисту. Аннотация не исчерпывает содержания книги, но всегда указывает на характерную ее черту.

Уже знакомые читателю названия отдельных рассказов из сборника «Сила солому ломит» стоят в этом списке в одном ряду со сказками Салтыкова-Щедрина, рассказами и очерками Нефедова, Левитова, Циб-

риковой, Голицынского, т. е. авторов, наиболее популярных в народной среде.

Вот этот документ (в несколько сокращенном виде):

„КРИТИКА СУЩЕСТВУЮЩЕГО”

Очерки фабричной жизни Еж Наумова	} Работник машина для капитала. (покровительство капиталу правительства).
Стенные очерки Юровая Крестьянские выборы	} Гнет кулаков
Дедушка Егор	(Покровительство правительства помещикам и несогласие мира)
...Иван воин Нефедова Горбун Левитова ворожея	} Надувательство народа во имя религии. Тоже делают попы.
Два генерала Пропала совесть	} Щедрина (на что живут бары)

...Интересна такая книга, где ярко изображалось бы благоденствие бар».

...Перелистаем массивное дело под названием «Дознание о распространении преступной пропаганды в народе. В Севастополе и С. Петербурге». Десятки, сотни страниц малоразборчивой жандармской писанины, испещренной многочисленными пометками сновников разных рангов — от губернских до

петербургских... И вдруг взгляд останавливается на подписях, четко поставленных в конце какого-то документа:

«Варвара Перовская

Софья Перовская

Василий Перовский студент Технологического института».

Эти имена заставляют вернуться назад. То, что подписали Перовские, есть протокол об обыске в имении Варвары Сергеевны Перовской, матери двух известных революционеров, под Севастополем 27 сентября 1874 года. Штабс-капитан Дмоховской сообщает в III отделение его императорского величества канцелярии, что, несмотря на усердие жандармов, ничего предосудительного не было найдено. И тут же (о несокрушимая жандармская логика!) подробно описывает обнаруженные у Перовских незапрещенные, но «тенденциозные» книги, хранение которых предосудительно. Впрочем, предоставим слово самому Дмоховскому:

«...между книгами ничего запрещенного цензурою не найдено, между тем внимание производивших обыск обращено было на значительное число некоторых книг, предназначенных для народного чтения; так, например, издание Наумова: а., Сила солону ломит 3 экземпляра, — в этой книжке помещено три повести У перевоза, Последнее прости и Деревенский торгаш; — б., Юровая — 3 экземпляра; в., Крестьянские выборы 3 экземпляра и г., Мирской учет и Еж — 3 экземпляра... Все эти книги в виде брошюр были куплены Василием Перовским в

Критика Сухомлинова 3.

- Осудил фабричной инспекции / Похвалит министра для
Есть Наука / похвалит министра Кантона / Похвалит министра
- Стенные очерки? Грант Кузнецов.
врубил
христианские выходы
Получил Сахар / похвалит министра и похвалит министра
посылки и посылки посылки
- Полноша
Билосорский / Грант Кузнецов
Ваниса Басун / Грант Кузнецов
- Нужно в рубку / как Бага отсюда отсюда
отмет. на 1869, № 4-5 / с критикой - в смысле
человека в Бага отсюда
3. Книга Те / Оттого любя в рубку / Грант Кузнецов
2. Книга о жизни под / Грант Кузнецов / Книга в рубку
с тем как Грант / Грант Кузнецов / Книга в рубку
управляющий / Грант Кузнецов / Книга в рубку
3. Книга о жизни / Грант Кузнецов / Книга в рубку
Грант Кузнецов / Грант Кузнецов / Книга в рубку
в рубку / Грант Кузнецов / Книга в рубку

«Критика существующего». Уникальный список книг для народного чтения с краткими аннотациями

г. С-Петербурге и предназначались для чтения как лично самого Перовского, так и семьи, — так объяснил сам Перовский».

Какой полезный урок российских законов для только что выпущенной из тюрьмы Софьи Перовской!

Немало потрудились над распространением «тенденциозных» книг, особенно среди фабричных рабочих, члены Всероссийской социально-революционной организации. 24 марта 1875 года на чердаке ткацкой фабрики братьев Тюляевых в Москве было найдено множество книг «преступного содержания», в том числе «Крестьянские выборы» Наумова. На этой фабрике одно время работал Петр Алексеев.

Множество книжек распространил среди фабричных рабочих-ткач Николай Васильев. Друг Петра Алексеева, он стал одним из самых неутомимых, энергичных и умелых пропагандистов. Васильев хорошо понимал людей, с которыми ему приходилось иметь дело. И, отправляясь «на пропаганду», он всегда знал, какими книжками следовало запастись, и требовал из маленького склада организации именно эти книги. Наблюдая за тем, как уверенно чувствует себя Васильев, предлагая рабочим те или иные книги, невозможно было представить себе, что он... неграмотный. Он умел различать книги, лишь несколько раз прочитанные в его присутствии, по внешнему виду. И здесь, вероятно, очень пригодилась рабочему-пропагандисту характерная зеленая обложка наумовского сборника.

Член Всероссийской социально-революционной организации Иван Злобин на тульском оружейном заводе давал читать рабочим рассказы «Мирской учет», «Юровая», «У перевоза» и «Крестьянские выборы». «Словесная пропаганда революционных идей, — говорилось в обвинительном акте по делу 50-ти членов этой организации, — поддерживалась книжками преступного содержания, которые в значительном количестве раздавались рабочим, читались и толковались им пропагандистами...».

На процессе «50-ти» во всем блеске проявилась «гибкость» законодательства и судопроизводства в Российской империи! Защитник Петра Алексеева Ольхин заявил, что книги, отобранные при аресте у Алексеева (в их числе были и рассказы Наумова), в большинстве своем цензурные, и поэтому не могут быть причислены к преступным. Товарищ обер-прокурора ответил, что распространение этих книг «и не ставится в вину подсудимым». Между тем, в приговоре Сената по делу Петра Алексеева и его товарищей прежде всего фигурируют не запрещенные, но «тенденциозные» книги...

Сборник «Сила соломѹ ломит», как и многие другие «тенденциозные» книги («Степные очерки» А. И. Левитова, «На миру» Ф. Д. Нефедова, «Дедушка Егор» М. К. Цебриковой), был запрещен только после процесса «193-х», хотя отбирался и подлежал аресту еще с осени 1874 года.

О причинах запрещения рассказов Наумова очень правильно сказал И. Н. Мыш-

кин, герой процесса «193-х», один из самых ярких революционеров семидесятых годов. Невежество народа, утверждает Мышкин в своем заявлении прокурору, написанном в камере Петропавловской крепости, — одна из основ буржуазно-дворянского государства. Именно поэтому «...статью, которую без всякого затруднения можно напечатать в дорогостоящем и потому недоступном для народа журнале, не дозволяют печатать отдельным изданием, предназначенным по своей дешевизне для бедных классов. Стоит только прочитать, например, рассказы из жизни сибирских крестьян Наумова, печатавшиеся беспрепятственно в „Отечественных записках“ и отнесенные к числу запретных книг лишь только они в отдельном издании стали распространяться в народе... чтобы убедиться в систематическом стремлении властей загородить путь всякому, даже слабому лучу света, стремящемуся проникнуть в темное царство народа».

Книга Наумова имеет одну замечательную особенность, присущую всем неумирающим книгам. Она устремлена в будущее. Наумов сумел увидеть в русской жизни и показать своим читателям ту историческую перспективу, значение которой он сам не вполне понимал. В начале семидесятых годов, в пору зарождения первых рабочих организаций, на страницах легендарного сборника Наумова с гневным протестом против угнетения и социальной несправедливости выступает рабочий.

...Не было тасжного прииска, на котором бы рабочие не передавали друг другу, как смело и самоотверженно защищал Еж (так за независимость характера прозвали рабочего Карпова) интересы рабочих. Не было прииска, «где бы энергичная фигура его не являлась протестующей против произвола и насилия».

...Надсмотрщик ударил по голове старого и слабого рабочего за какую-то ошибку. Удар был так силен, что старик упал. «Кого ты бьешь? Есть ли в тебе душа?.. Одумайся!» — тихо сказал надсмотрщику Еж, помогая старику подняться. Надсмотрщик попытался было ударить Ежа, но встретил отпор.

«Задеру, задеру насмерть», — кричал управляющий, приказав привести к себе Ежа, когда ему доложили о поступке его. Но, вероятно, и по фигуре пришедшего к нему Ежа, и по тону, каким он произнес: «Дери! я здесь!» — управляющий понял, с кем имеет дело, и молча ушел в свой дом.

...Вызванный конторщиком по настоянию рабочих управляющий пытается сначала, как и ранее конторщик, отшутиться, но Еж не дает ему уйти от ответа: он настаивает на пересмотре расчетов.

Еж еще по-крестьянски называет рабочих «миром», он еще очень доверчив. Поэтому управляющему и удалось «рассчитаться» с рабочими при помощи исправника и казаков. Но говорит он с управляющим иначе, чем крестьяне, — он настаивает и требует, сознавая свою силу.

Замечательно лицо Ежа, каким оно запоминается читателю. «Красивое, овальное лицо, поражавшее правильностью линий». Плотные сжатые губы, тонко очерченные широкие ноздри, которые «постоянно вздувались, как бы от внутреннего подавленного смеха». Большие черные глаза, которые «вспыхивали и светились, и что-то резкое,

вызывающее, дерзко-насмешливое дышало в эти минуты в каждой черте его».

Не это ли полное едва сдерживаемой силы и неотразимого обаяния лицо вспоминалось Петру Алексееву, когда, он, рабочий (еще недавно крестьянин), произносил на процессе «50-ти» свое (по известному выражению В. И. Ленина) «великое пророчество русского рабочего-революционера» о грядущей победе «миллионов рабочего люда»? Петр Алексеев хорошо знал сборник «Сила соломѹ ломит», читал его крестьянам и рабочим, один из рассказов, отделенных от книги, был отобран у него при аресте.

И еще одна чрезвычайно интересная деталь. Даже внешний облик Алексеева, если судить по воспоминаниям современников, которым приходилось встречаться с рабочим-революционером, очень напоминает внешность Ежа. «На этом богатырском теле, — писал один из революционеров об Алексееве, — покоилась крупная голова с крупными же, глубоко вырубленными чертами смуглого лица, с пашкой густых, черных как смоль, волнистых волос и такими же, несколько курчавыми усами и бородой. Но всего лучше были глаза, — ясные и пламенные: неукротимая энергия светилась в них»...

* * *

Почти столетие отделяет нас от тех дней, когда пропагандисты-народники, тщательно завернув отделенные от сборника «Сила со-

лому ломит» рассказы, послали их «в народ» — в села, на фабрики, в рабочие артели, продолжая великие традиции русского освободительного движения.

Израженная руками жандармов (почти все сохранившиеся экземпляры имеют проколы, сделанные жандармами при опечатании), книга Наумова продолжает жить и в наши дни. И современный советский читатель, библиофил, историк, собиратель бережно перелистывает ее строгие, слегка пожелтевшие страницы и ощущает горячее дыхание эпохи революционного народничества, той эпохи, когда, по словам современника, «в России многие не знали, где настоящее правительство, в Зимнем ли дворце или в конспиративной квартире Исполнительного комитета...».

Письмо об «арестах из-за книг», записная книжка Гесп Гельфман, список книг «Критика существующего», программа-вопросник к рассказу Н. Наумова «Юровая», многие страницы жандармских дознаний о революционной пропаганде и другие документы из фонда Особого присутствия Правительствующего Сената (ЦГАОР СССР, ф. 112, оп. 1, 2) цитируются и воспроизводятся в печати впервые.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Наумов Н. И. Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1—3. Новосибирск, 1939—1940.

Наумов Н. И. Избранные произведения. Новосибирск, Обл. изд., 1951.

Наумов Н. И. Рассказы о старой Сибири. Томск, Кн. изд., 1960.

Автобиография Н. И. Наумова. — «Сибирские огни», 1963, № 9, стр. 177—180.

Плеханов Г. В. Н. И. Наумов. — В кн.: Плеханов Г. В. Литература и эстетика. Т. 2. М., Гослитиздат, 1958, стр. 319—341.

Кожевников С. Е. Николай Иванович Наумов. Очерк о жизни и творчестве. Новосибирск, Обл. изд., 1952.

Соколов Н. И. Писатели-народники, Глава I. Общий обзор. Глава II. Наумов. — В кн.: История русской литературы. Т. 9. Ч. 1. (Литература 70—80-х годов). М.—Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1956, стр. 349—386.

Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. I. 1870—1875 гг. М., «Наука», 1964, стр. 188, 303, 415, 417, 434.

Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., «Наука», 1965.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«НЕ СКАЗКА, А БЫЛЬ»	5
В ТРИДЦАТИ СЕМИ ГУБЕРНИЯХ	5
КОГДА ПЛАЧЕТ ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК	10
СИЛА И СОЛОМА	15
«НАУМОВ БЫЛ ПРОЛЕТАРИЙ»	20
«АРЕСТЫ ИЗ-ЗА КНИГ»	29
У ИСТОКОВ «КНИЖНОГО ДЕЛА»	29
ПЕРВОЕ СТРАННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО	32
ВТОРОЕ СТРАННОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО	35
ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТРАННОСТИ	35
ДВА ВАГОНА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	40
КНИГА СМОТРИТ В ГРЯДУЩЕЕ	51

Пищулин Юрий Петрович

«КНИГА, ХОДИВШАЯ В НАРОД»

О судьбе сборника рассказов Н. И. Наумова «Сила соломѹ ломит». М., «Книга», 1967. 56 с.

Редактор В. Ф. Ларина. Художник А. И. Калашников. Художественный редактор Н. Д. Карандашев. Технический редактор Н. И. Аврутис. Корректор М. И. Жильцова

Сдано в набор 17.XI.1966 г. Подписано в печать 19.IV.1967 г. Формат бум. 70×90^{1/32}. Печ. л. 1,75 (2,05). Уч.-изд. л. 1,74. А10354. Тираж 20.000 экз. Заказ 1030 Бумага — кама мелованная. Цена 8 коп.

Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10. Издательство «Книга»
Московская типография № 37 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.